

К. М. Феферман, Б. Н. Ковалев

Турция и пантюркизм как факторы нацистской стратегии борьбы против Советского Союза. Между политикой и пропагандой

Введение

Турцию сближали с Кавказом вообще и с Северным Кавказом в частности многовековые культурные и религиозные традиции. Они естественным образом вытекали из географического соседства, часто дополнявшегося этнической и религиозной близостью Турции и кавказскими, в том числе северокавказскими, народами. Турецкое влияние исторически связано с пантюркизмом, течением, подчеркивающим духовную близость всех людей тюркского происхождения, невзирая на существующие ныне границы¹.

На этом фоне естественной была настороженность вначале Российской империи, а затем и Советского Союза, вызванная взаимосвязями, сложившимися между проживающими здесь народами тюркского происхождения и Турцией. В моменты же обострения российско-турецких, а потом и советско-турецких, отношений преобладало желание полностью оборвать эти связи. По причинам стратегического характера (наличие значительных разведанных запасов нефти, а также географическая близость к Турции) данный фактор являлся особенно важным для Кавказа вообще и для Северного Кавказа в частности.

При этом надо помнить, что Германия, чья политика в период Второй мировой войны и является основным объектом настоящего исследования, будучи в своих естественных границах, не только не граничила с указанным регионом, но и находилась от него на существенном рас-

**Феферман
Кирилл Маркович**
PhD, ст. преп.,
Ариэльский
университет (Ариэль,
Израиль)

**Ковалев
Борис Николаевич**
д-р ист. наук, вед.
науч. сотр., Санкт-
Петербургский
институт истории РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

стоянии. Тем не менее имперские стремления дважды (в период двух мировых войн) приводили ее к захвату части территории Северного Кавказа, хотя амбиции ее простирались как минимум на весь Кавказ. Отношения же Германии с Турцией варьировались от союзнических в Первой до нейтралитета во Второй мировой войне.

С учетом этого можно предположить, что Германия в процессе подготовки к нападению на Советский Союз вообще и к вторжению на Северный Кавказ в частности (1941–1944) собиралась использовать в своих целях турецкий фактор. Под последним здесь имеется в виду немецкое понимание роли собственно Турции, а также пантюркизма и кемалефильства. Вместе с тем уровень использования турецкого фактора Германией зависел от военно-политической обстановки в период войны. Особое внимание в статье уделяется изучению развития немецких политических и научных теорий, а также пропагандистских установок. Исследование основывается в первую очередь на анализе научной литературы, а также на архивных источниках.

В более широком смысле рассматривается попытка использования государством-интервентом одной из «ахиллесовых пят» многонационального государства. Среди этих слабых мест особенно уязвимой казалась этническая и религиозная близость населения в пограничных районах государства, подвергшегося нападению, населению третьей страны, официально не участвовавшей в боевых действиях. Данная стратегия расшатывания государства кажется более характерной для времен холодного мира, и поэтому ее использование Германией в войне против СССР нуждается в объяснении.

Предыстория

В период второй половины XVIII–XIX вв. Российской империи в значительной степени удалось вытеснить Турцию с Северного Кавказа². Тем не менее до революции турецкое влияние получило достаточное распространение в России³, в том числе и в указанном регионе⁴.

Выражаясь современным языком, это было существенным фактором турецкой «мягкой силы» на Северном Кавказе. Судя по имеющимся данным, эта политика вызвала беспокойство царского правительства⁵, которое увязывало ее с перманентно воинственным характером местного населения⁶, а также идеями панисламизма, распространяемыми агентами турецкого правительства⁷.

Российская и Османская империи сошлись в противостоянии в Первой мировой войне⁸, причем в первую очередь на кавказском театре военных действий. Судя по имеющимся данным, Турция имела конкретные виды на Кавказ⁹. С этой целью она использовала определенную популярность идей пантюркизма для того, чтобы повлиять на настроения кавказских народов¹⁰. Но видимых успехов на этом направлении достигнуто не было¹¹. Одной из причин являлось агрессивное противодействие этим попыткам со стороны России. Основной же упор делался на панисламизм.

Со стороны Германии первоначально союз с Турцией мыслился как возможность сковать силы России на Кавказе¹². Собственный же интерес к Кавказу Германия стала проявлять в конце войны. Он был совершенно практического свойства и связан с необходимостью обеспечить беспрепятственный доступ Второго рейха к кавказской нефти. Как следствие, у Германии выросла заинтересованность в собственном военном присутствии на Кавказе¹³, даже несмотря на то, что у ее турецкого союзника были ярко выраженные интересы в регионе¹⁴. В самый же последний год войны амбиции кайзеровской Германии возросли еще более: в новой геополитической конфигурации Кавказу отводилось важное место в рамках стремительно расширявшейся на Восток Германской империи¹⁵.

В межвоенный период ситуация в «треугольнике» Советский Союз — Турция — Германия по отношению к Северному Кавказу претерпела существенные изменения. После Первой мировой войны все три страны вышли очень ослабленными. По мере консолидации власти Кемалем Ататюрком и превращения Турции в монациональное государство экспансионистские идеи не исчезли из политического лексикона кемалистской Турции. Но вместо идей панисламизма на вооружение брались (правда, в кругах, не напрямую связанных с турецкой верхушкой) светские идеи пантюркизма¹⁶. Вместе с тем надо подчеркнуть, что кемалистская Турция по причине ее военной и экономической слабости, а также политической нестабильности в мире проявляла крайнюю осторожность в этом вопросе. В первые межвоенные годы отношения между Советской Россией и новой Турцией развивались вполне благоприятно¹⁷. Но со временем связи ослабли, частично уступив место прежней взаимной настороженности. В области же советской внутренней политики всякое упоминание пантюркизма являлось взрывоопасной темой для СССР, прилагавшего в этот период усилия к нивелированию вопросов, подрывавших единство советского общества¹⁸.

Со стороны Германии межвоенный период можно разделить на две части. До прихода нацистов к власти в январе 1933 г. в немногих немецких научных публикациях история немецких и турецких связей с Кавказом рассматривалась сугубо с теоретической и академической перспективы¹⁹. Среди прочего присутствовали как исследования об истории немецких поселенцев в регионе²⁰, так и переводные советские работы, посвященные победе советской власти на Кавказе²¹.

После прихода Гитлера к власти немецкая наука стала проявлять повышенный интерес к тем аспектам истории региона, в которых ощущался неустойчивый, насильственный характер вначале российской имперской, а затем и советской власти. Появляются работы, посвященные истории войны горских народов под руководством Шамиля против России²², «завоевательной политике советской России в Закавказье»²³, а также анализу советской национальной политики среди тюркских народов²⁴.

Особый интерес проявлялся к Азербайджану²⁵, в том числе и в переводах эмигрантских публикаций на немецкий язык²⁶. Вообще по причине отсутствия контактов с изучаемым районом в немецком кавказоведении наметилась

известная опора на тюркскую эмиграцию для получения представления о советских регионах с тюркским населением²⁷. В целом следует признать, что в 1930-е гг. такого рода публикации стали носить более практический характер, чем до прихода Гитлера к власти.

На Кавказ. Политическая подготовка

Вторая мировая война и особенно выход немецкой армии на границы Турции (в результате оккупации Греции в апреле 1941 г.) существенно повысили возможности Германии в вопросе оказания давления на Турцию. Соответственно, и немецкие академические исследования, посвященные позиции Турции по Северному Кавказу или же собственно по вопросам, связанным с Кавказом, приобрели отчетливо «приграничный» характер.

Со своей стороны, и до немецкого вторжения в СССР, и после него турецкое руководство отчаянно маневрировало, стремясь сохранить нейтралитет в войне²⁸. Это проявилось среди прочего и в строго дозированном количестве публикаций по кавказскому вопросу в жестко контролируемой властями турецкой прессе. Вместе с тем набор тем, затрагивавшихся в турецких публикациях («Как оборонялся Кавказ в войне 93-го года»²⁹, «Кавказские тюрки»³⁰, «Взгляд на тюркистское движение на Кавказе»³¹), указывает, по мнению авторов статьи, на продолжающееся, хотя и тщательно закамуфлированное осознание турецкой стороной (как власти, так и околотовластных кругов) своих особых интересов на Кавказе в предстоящем конфликте между Германией и СССР.

По мере подготовки Германией планов вторжения в Советский Союз немецкое военно-политическое руководство стало пристально присматриваться и к Кавказу. По целому ряду причин этому региону была уготована особая судьба: тут сказался и нефтяной фактор (во Вторую мировую войну приобрел куда большее значение, чем в Первую), и расположение его по пути на Ближний Восток (предполагаемый следующий этап немецкой экспансии после сокрушения Советского Союза)³². О важности Кавказа в немецкой военной стратегии свидетельствует тот факт, что Гитлер неоднократно высказывался о нем в своих «Застольных беседах»³³.

Заявления Гитлера легли в основу немецкой позиции по Кавказу вообще и по Северному Кавказу в частности. Стоит отметить, что, несмотря на ярко выраженный колонизаторский характер немецкого похода на Восток, а также долгую историю немецких поселений в этом регионе³⁴, на Кавказ, в том числе и на Северный Кавказ, эти идеи не распространялись.

Этому есть несколько объяснений. Во-первых, в национал-социалистической мифологии данный регион не фигурировал как историческое место поселения готских или арийских племен³⁵. Во-вторых, в плоскости современной политики Кавказ считался регионом со сложным по составу населением. И хотя ввиду важности нефтедобычи и нефтепереработки Германия, безусловно, намеревалась контролировать его, немецкое руководство исходило из того, что публичные заявления по этому поводу были бы контрпродуктивны. Это могло бы оттолкнуть как местное, в массе своей протурецки настроенное (как это

мыслилось в Германии), население, так и саму Турцию, а также осложнить отношения Германии с другими державами «Оси» (Италия и Япония), у которых также имелись виды на Кавказ³⁶.

В такой конфигурации Турция, очевидно в награду за прогерманскую позицию, получала бы на определенном этапе в будущем контроль над регионом со значительной долей тюркского населения, реализовав свои собственные пантюркские амбиции. Это теснейшим образом привязывало бы ее к возглавляемому Германией альянсу³⁷.

О важности позиции Турции для немецкого руководства свидетельствует личность посла Германии в этой стране Франца фон Папена, бывшего вице-канцлера в первом правительстве Гитлера³⁸, которому при назначении была дарована возможность прямого доклада Гитлеру³⁹. Именно при его непосредственном участии Германия и Турция заключили договор о дружбе, который был подписан 18 июня 1941 г., за четыре дня до начала операции «Барбаросса».

В этой связи полезно взглянуть на документы по немецко-турецким отношениям за период 1941–1943 гг., опубликованные советским МИД в 1948 г. Представляется, что подборка материалов в сборнике носит ангажированный характер в связи с резким обострением советско-турецких отношений в первые послевоенные годы. Однако же достоверность самих документов не вызывает сомнения, и поэтому авторы используют их в данной статье.

Изучению турецких амбиций был посвящен меморандум, составленный Францем фон Папеном через несколько недель после вторжения немецких армий в Советский Союз⁴⁰. В документе под названием «Пантүранизм», изобиловавшим фактами и именами, германское посольство указывало на сильно выросший в турецких правительственных кругах интерес к судьбе этнически близких туркам групп, именовавшихся в меморандуме «братьями по расе» и проживавшими по другую сторону советско-турецкой границы. Документ рекомендовал германскому правительству всячески пестовать тюркские элементы советского населения против русских, так как в отличие от славян, которых с русскими связывало общее прошлое, у тюркских народов этот фактор отсутствовал напрочь⁴¹. Резкое усиление пантюркистских тенденций в турецких околоправительственных кругах, в связи с немецким вторжением в СССР и возможностью крушения советского государства, отмечалось и немецкой разведкой⁴².

В другом немецком документе описывается представление турецким послом нового советника турецкого посольства в Берлине германскому МИД в начале августа 1941 г. Согласно отчету, отправленному министру иностранных дел Риббентропу, турецкий посол проявил интерес к судьбе «пограничных народов турецкой крови в Советской России»⁴³. В частности, посол упомянул о возможности ведения антисоветской пропаганды через эти тюркские народы. Более того, в отдаленной перспективе турецкий посол видел возможность создания буферного государства, объединяющего кавказские народы. Германский МИД расценил эти высказывания турецкого посла как вписывающиеся в новую турецкую политику, озвученную ранее немецкому послу в Анкаре.

Судя по всему, в последней четверти 1941 г. вопрос общности истории и интересов советских тюркских народов и самой Турции достиг высших эшелонов немецкого руководства, которые стали рассматривать его как немало-важный ресурс в войне против СССР⁴⁴. С другой стороны, как мы видели, в начальный период войны, весьма благоприятный для Германии, немецкие планы по привлечению Турции к Кавказу, в том числе и Северному Кавказу, были благосклонно встречены в турецких правительственных кругах. Вместе с тем стоит помнить, что никаких публичных деклараций по этому поводу Турция благоразумно не делала и официально продолжала исповедовать нейтралитет в войне. В германских документах отмечается, что желание Турции не быть втянутой в военные действия только усилилось, начиная с декабря 1941 г., по причине провала Блицкрига и вступления США в войну⁴⁵.

Параллельно возрастает стремление Берлина добиться еще большего расположения Анкары с целью втянуть ее в войну против Советского Союза. В частной беседе в начале апреля Гитлер подчеркивал, что, с его точки зрения, в войне против СССР турецкая военная поддержка Германии «с фланга» была бы идеальным решением⁴⁶. Несмотря на важность обеспечения самой немецкой армии необходимыми военными ресурсами в связи с предстоящей летней кампанией 1942 г., Гитлер нашел возможность санкционировать в марте 1942 г. поставку Турции вооружения для одной-двух танковых дивизий⁴⁷. Финансирование сделки фактически субсидировалось Германией⁴⁸. Более того, беспрецедентно в отношениях с нейтральной страной Гитлер также санкционировал поездку высокопоставленной турецкой военной миссии на восточный фронт, где она смогла наблюдать за ходом боевых действий на юге Советского Союза, включая Крым⁴⁹.

Заключительный документ из коллекции немецкого МИД, который хотелось бы проанализировать в данной статье, относится к концу августа 1942 г. Это был период наибольших немецких успехов на кавказском направлении, когда многим казалось, что прорыв вермахта к Южному Кавказу является вопросом решенным. Это надо иметь в виду при анализе встречи германского посла в Анкаре с новоназначенным премьер-министром Турции Мехметом Сараджоглу, состоявшейся 27 августа 1942 г.⁵⁰ Этим и объясняются откровения турецкого премьера.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что и в этот период турецкое руководство всячески избегало публичных высказываний и по вопросам, относящимся к Северному Кавказу, так как они могли бы быть истолкованы Советским Союзом как вмешательство в его внутренние дела. Согласно немецкому документу, причина была указана турецким премьер-министром с предельной откровенностью: не дать «русским... страх которых перед другими расами хорошо известен», «предлога... вырезать тюркские меньшинства»⁵¹.

Итак, турецкий премьер заявил, что Германия сможет решить «русскую проблему», если она выведет русифицированные меньшинства региона из-под русского влияния. Подавляющее большинство жителей этих регионов (по смыслу — Крыма и Кавказа) принадлежит к тюркской расе, и поэтому у Турции имеется законный интерес в решении этого вопроса.

Турецкий премьер высказался в том духе, что местные интеллектуалы либо сдались на милость большевиков, либо были ими уничтожены. Поэтому надежду надо возлагать на молодое поколение, одна часть которого должна быть послана в немецкие университеты, а другая — в турецкие, что явится залогом будущего поведения местных элит в духе германо-турецкого сотрудничества.

Немецкий посол подчеркнул, что из его опыта общения с турецким премьер-министром и другими высокопоставленными немецкими представителями (профессором фон Менде, представителем Министерства по делам оккупированных восточных территорий и др.), а также с чиновниками турецких правящих кругов и эмигрантских элит, у него сложилось впечатление о том, что после оккупации Кавказа Турция оценит поведение Германии в этом регионе⁵².

На этих территориях фон Папен предлагал организовать администрацию, номинально возглавлявшуюся местным представителем, за которым стоял бы теневой немецкий консультант, облеченный всей полнотой власти. Также и руководители полиции и вооруженных сил на местах должны были возглавляться людьми из числа местного населения. Более того, предполагалось, что выбор местных руководителей должен производиться Германией в консультации с влиятельными турецкими кругами, что создало бы у них общий политический интерес в существовании новых политических образований на Кавказе.

Несмотря на известную логику, у немецких планов были и изъяны: они совершенно не учитывали, к примеру, интересы нетюркских народов в регионе. Также стоит отметить, что агрессивно светской Турции отводилась роль надсмотрщика над территориями, в которых Германия собиралась культивировать религиозное возрождение. Однако же пока, по замыслам немецких стратегов, имело смысл поддержать на словах пантюркистские устремления народов Северного Кавказа. От Германии это отводило бы обвинение в том, что она пришла в регион как очередная колониальная держава, заинтересованная преимущественно в эксплуатации природных ресурсов региона. Это позволило бы ей позиционировать себя как освободительницу народов, прежде всего горцев, особенно тюркского происхождения, от российского и советского империализма.

Пропаганда⁵³

Особые отношения между Германией и Турцией всячески подчеркивались и рекламировались нацистскими пропагандистскими службами. Из публикаций складывалась картина государства, всегда являвшегося потенциальным союзником Берлина, с кемалистской идеологией, категорически чуждой большевизму и близкой национал-социализму⁵⁴. И даже главные враги были весьма схожими. Для Анкары — это англо-американские плутократы, большевизм и жидолевантизм.

Наиболее активно турецкая тематика стала муссироваться летом 1942 г. Наступление вермахта на Северном Кавказе позволило поразмышлять сотруднику ведомства Геббельса на тему: «Сохранит ли Турция свой нейтралитет

или двинется навстречу победоносной германской армии». При этом особый интерес вызывала судьба советского флота на Черном море. В оккупационной немецкой газете «За родину» об этом говорилось следующее: «Внимание, уделенное турецкой печатью специальному сообщению германских газет о падении Новороссийска, говорит о том, что этот последний крупнейший успех германской армии оставил в Турции самое глубокое впечатление...

Осторожный подход турецкой печати не разрешает поднимать публичной дискуссии в таком щекотливом деле. Англичане хотели, как это понемногу становится известным, чтобы Турция предоставила в распоряжение советского черноморского флота один из своих морских портов. Само собой разумеется, что ответ турецкого правительства был ясным и простым, а именно: согласно международному праву, флот должен быть интернирован. Для интернирования советского флота предлагают Трапезунд, Самсун или Синоп. В Анкаре подчеркивают, что Дарданеллы и Босфор советскому флоту открыты, конечно, не будут»⁵⁵.

В представлении немецкой пропаганды Турция — светское цивилизованное государство. В немалой степени оно стало таким, поскольку ее руководители в полной мере осознали опасность жидолевантизма. Под последним понималась, в том числе, и политика Великобритании. Турция видит в Германии честного и надежного торгового партнера. «Заключенное в октябре 1941 г. германо-турецкое торговое соглашение является дополнением к основному договору о дружбе этих двух государств, подписанному еще в июле 1941 г. В октябрьском соглашении предусмотрен товарообмен между обеими странами, это продукты железообрабатывающей и сталелитейной промышленности, до военных материалов включительно. Германия взамен получает хлопок, табак, пищевые продукты, оливковое масло и т. д., а также, сырье, различные минералы, в том числе хром и медь, вывоз которых из Турции в прежнее время являлся монополией Великобритании»⁵⁶.

Весьма подробно, в превосходных тонах, описывались государственные праздники Турции. Особо отмечалась роль, которую играл в них германский посол Франц фон Папен. «Президент государства Исмет Инону проследовал, мимо выстроившихся шпалерами войск и молодежи, к зданию национального собрания для того, чтобы принять традиционные поздравления правительства, армии, парламента и представителей дипломатического корпуса по случаю 19-й годовщины дня основания Турецкой Республики.

Вскоре после прибытия президента государства, к зданию национального собрания, стали подъезжать автомобили иностранных дипломатических представителей и военных атташе. Германский посланник фон Папен явился в сопровождении старшего военного атташе, вице-адмирала фон-дер-Марвиц»⁵⁷.

Эпитеты, которыми награждалась Турция на страницах русской коллаборационистской прессы, весьма похожи на те, которыми характеризовался сам Третий рейх. Особый интерес представляет материал «Турция — европейское государство порядка»⁵⁸. Что особо характерно, он подписан: «От нашего корреспондента С. Горелова», как будто журналист-коллаборационист делится собственными впечатлениями от реалий жизни в этой стране. «Турция в этом

году больше, чем раньше, играет роль моста, соединяющего Европу с Азией. Она находится как бы нейтральным островом в центре империалистических намерений — большевистских и английских...

Опираясь не только на полное и честное уважение, но и на практическую поддержку сохранения своего нейтралитета со стороны Германии и ее союзников, кемалистская Турция и впредь сможет с этим считаться при руководстве своей политикой, и, таким образом, окажет должное сопротивление давлению как со стороны Лондона, так и со стороны Москвы»⁵⁹.

Попытки еще более сблизить Анкару с Берлином предпринимались и через третьи страны, в частности через Софию. Турецким политикам открыто говорилось, что хотя в рейхе и принимают позицию Анкары по вопросу нейтралитета, но для Советского Союза это ничего не значит. «Еще до конца 1940 г. большевики предполагали начать войну против Турции и неоднократно обращались к Болгарии с требованием выступления ее в этой войне в качестве советского союзника. Такое сенсационное сообщение сделано на днях болгарским министром Василевым.

Василев объявил, что советское предложение исходило от одного из влиятельнейших большевистских дипломатов — генерального секретаря Наркоминдела Соболева. Большевики требовали через него уступить им военные базы в болгарских черноморских портах. За это, а также за участие Болгарии в войне против Турции, Москва предлагала Софии часть территории европейской Турции вдоль линии Энос — Мидия.

Война должна была, конечно, привести к оккупации большевиками Босфора и Дарданелл»⁶⁰.

Удивительно, что в статье «Турция против плутократов» давались почти обещания, что даже при сохранении своего нейтрального статуса Анкара вполне имеет право рассчитывать на территориальные приращения. Причем было понятно, что это произойдет за счет Советского Союза. «Каждое нейтральное государство имеет вполне определенные расчеты — чья победа была бы для него наиболее выгодной. Нейтралитет нисколько не мешает невоюющему государству надеяться, что будущий мир создаст для него ту или иную выгодную обстановку или даже даст некоторые территориальные приобретения.

Турции в данном случае тоже совсем не безразлично, чем кончится настоящая война и что она принесет человечеству. Турецкий народ определенно имеет свои конкретные желания. Он тоже думает о том, чтобы были соблюдены интересы его страны»⁶¹.

Для идеологов нацистской Германии наиболее значимым являлся определенный антисемитизм турецких политиков и их категорическое нежелание увидеть в Палестине еврейское государство. «Особенно задевает турок проект искусственного создания жидовского государства в Палестине, которое, несомненно, немедленно станет центром хозяйственного империализма всех плутократов. Турция не имеет причин требовать присоединения к себе арабских народов до тех пор, пока иностранное влияние там не будет угрожать ей самой»⁶².

Особое внимание Турция уделяет своей армии и вопросам обороны. Это направление государственной политики относится к одному из приоритетных.

«Турецкое правительство везде принимает решительные меры, где необходимо планомерное государственное управление. Огромные затраты на государственную оборону означают необыкновенное напряжение всех финансов»⁶³.

С одной стороны, экономика Турции вполне самодостаточна. Однако есть силы, которые заинтересованы в ее подрыве. «Благодаря полному отсутствию или малому количеству ввозимых импортных товаров, в стране заметен их недостаток и неразлучное с ним повышение цен, что таит в себе опасность инфляции.

К этому кризису присоединилась еще спекуляция, подпольная торговля и искусственное взвинчивание цен, которые велись жидолевантийскими хозяйственными кругами, при помощи англо-американцев»⁶⁴.

Успехи Германии широко рекламировались в Турции. В 1942 г. для журналистов был организован специальный пресс-тур, в ходе которого они посетили не только рейх, но и оккупированные территории как на западе, так и в Советском Союзе. «В прошлом году группа виднейших турецких журналистов, во главе с генеральным директором отдела печати при турецком правительстве посетили Великогерманию и занятые области на Востоке и Западе»⁶⁵.

Особое внимание уделялось и общекультурным связям. «Многие германские деятели искусства гастролировали в Анкаре и Истамбуле и были там приняты сердечнейшим образом. Крупнейшая германская передвижная выставка — “Новое германское строительное искусство” имела величайший успех, при рекордном числе посетителей»⁶⁶.

Турция не сходила со страниц нацистской прессы вплоть до лета 1944 г. Ее всячески восхваляли и сравнивали с другими союзниками Третьего рейха: Испанией, Финляндией, Венгрией. Но к этому времени, особенно после открытия Второго фронта, стало понятно, что гитлеровский режим рано или поздно падет. Это видела и Анкара. Поэтому «великая и бескорыстная дружба» закончилась следующим: «Берлин, 3 августа. После того, как турецкое правительство, под давлением Англии, Америки и СССР аннулировало соглашение с Германией о хромовой руде, теперь турецкое правительство внесло в Национальное собрание проект разрыва всех торговых и дипломатических отношений с Германией. После ожесточенных дебатов Национальное собрание в среду утвердило предложение правительства. Разрыв отношений означает одновременно разрыв договора о дружбе между Турцией и Германией»⁶⁷.

Турция была вынуждена вписываться в новые геополитические реалии.

Академическая подготовка

Повышенный интерес к Кавказу со стороны военно-политического руководства Третьего рейха нашел свое выражение и в немецких академических публикациях. Они стали носить еще более прикладной характер, практически предоставляя режиму свои экспертные оценки по возможным животрепещущим моментам, могущим возникнуть в случае немецкого продвижения на Кавказ. Среди тем, рассмотренных в этих публикациях, следует особо отметить историю немецко-турецкого боевого содружества в период Первой мировой

войны⁶⁸, а также боевых действий на кавказском фронте⁶⁹. Значение кавказской нефти являлось одним из тех уроков, который нацистской Германии предлагалось извлечь из Первой мировой войны⁷⁰.

Внимание немецких академических кругов привлекла и последующая борьба кавказских народов за свою независимость в период Гражданской войны в России⁷¹. Весьма интересным был их анализ национального многообразия на Северном Кавказе⁷².

Не была обойдена стороной и тема пантюркизма. Рассматривалась его роль в политике Турции в период Первой мировой войны⁷³, а также нынешняя увязка пантюркизма со всемирными геополитическими амбициями Германии⁷⁴.

Заключение

В статье проанализирована эволюция немецких политических, пропагандистских и академических и концепций в том, что касается турецкого фактора по отношению к Кавказу вообще и Северному Кавказу в частности, особенно в контексте битвы за Кавказ. Сложившиеся в Германии подходы по данному вопросу свидетельствовали о существенном влиянии научных и пропагандистских концепций на формирование взглядов германского военно-политического истеблишмента на предмет управления Кавказом.

Хотя немецкие солдаты и находились на территории Северного Кавказа в период Второй мировой войны, Германия вела себя в этом регионе с нехарактерной для нее сдержанностью. Причина этого заключается в постепенном осознании, по мнению авторов статьи, германским руководством того, что собственно немецких сил для удержания колоссальных советских территорий будет совершенно недостаточно. Из этого вытекала растущая необходимость найти союзников как среди населения оккупированных территорий, так и среди стран, которые могли быть заинтересованы в получении в управление части советских территорий. Стратегия эта успешно применялась Германией для более тесного привлечения уже воевавших на ее стороне против СССР стран (например, Финляндии).

Турецкий же «кейс» достаточно уникален, потому что речь идет о нейтральной стране, по отношению к которой Германия проводила нетипичную для себя периода Второй мировой войны тонкую дипломатическую и пропагандистскую игру. Цель ее заключалась в привязке Турции к Третьему рейху с предоставлением ей роли своего рода «субподрядчика» для контроля над регионами, населенными народами, исторически тяготевшими к Турции. И если это оказывалось по каким-то причинам невозможным в настоящем или ближайшем будущем, то и тогда регион должен был управляться Германией с учетом интересов важного «теневоего» игрока — Турции.

В этой связи можно говорить и об особой роли Турции, тонкое поведение которой в данном вопросе (ярко выраженная пронемецкая позиция при закрытых беседах с представителями рейха и абсолютная официальная нейтральность) оказало известное сдерживающее влияние на поведение Германии в данном регионе в период его оккупации⁷⁵. Немецкое же последовательное

и деликатное заигрывание с Турцией и упорные попытки завоевать симпатии советских тюркских народов, в том числе и на Кавказе, были вынужденными шагами, свидетельствующими об отчаянном положении, в которое угодила Германия в результате вторжения в СССР.

¹ *Landau J. M.* Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. 2nd ed. Bloomington, 1995. P. 29–72.

² *Чеджемов С. П.* Конфессиональная политика Российской империи в середине XIX в. (на примере переселения народов Кавказа, исповедовавших ислам, в Турцию) // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 108–116; *Allen W. E. D., Muratoff P.* Caucasian battlefields: a history of the wars on the Turco-Caucasian border, 1828–1921. Cambridge, 1953.

³ *Сибгатуллина А. Т.* Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010.

⁴ *Абдулаева М. И.* Северный Кавказ в политике Турции в начале XX века // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. 2018. № 2. С. 175–180.

⁵ *Аранов Д. Ю.* «...Опасные для единства нашего государства проповедники...» П. А. Столыпин о политике Турции в отношении России и панисламизме. 1910 г. // Отечественные архивы. 2004. № 3. С. 93–97.

⁶ *Perović J.* Imperiale Projektionen und kaukasische Wirklichkeiten: Banditenwesen und das Phänomen Zelimchan im späzaristischen Russland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge. 2014. Bd. 62, H. 1. S. 30–60.

⁷ *Абдулаева М. И.* Северный Кавказ в политике Турции в начале XX века. С. 175–180.

⁸ *Reynolds M. A.* The East's Eastern Front: The Ottoman-Russian Clash in the Great War and Its Legacies // War in History. 2021. Vol. 28, no. 2. P. 333–358.

⁹ *Садыхов В. Я.* Политические планы Оттоманской империи на Кавказе в начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. 2009. Т. 65, № 3. С. 247–255.

¹⁰ *Гафаров В. В.* Политика Османской империи по организации восстания мусульман против России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 70–82.

¹¹ *Мустакимов И. А.* «Преданная нам служба российских военнопленных из мусульман... представляется лишенной вероятности». Документы Османского архива о возможности использования военнопленных в интересах Порты. Май 1917 г. // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 109–116.

¹² *Lüdke T.* Jihad made in Germany. Ottoman and German Propaganda and Intelligence Operations in the First World War. Münster, 2005. P. 32. См. также: *Berelovich E.* Transferring the Prussian-German General Staff to the Ottoman Empire: A Comparative View // Historia: Journal of the Historical Society of Israel. 2022. No. 48, January. P. 79–106.

¹³ *Nagornaja O.* Des Kaisers Fünfte Kolonne? Kriegsgefangene aus dem Zarenreich im Kalckül deutscher Kolonisationskonzepte (1914 bis 1922) // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2010. Jg. 58, H. 2. S. 198–200; Die politischen Grenzen in Kaukasien von 1856 bis 1918. Berlin, 1918.

¹⁴ *Grothe H.* Der russisch-türkische Kriegsschauplatz (Kaukasien und Armenien). Leipzig, 1915.

¹⁵ *Seidt H.-U.* From Palestine to the Caucasus: Oskar Niedermayer and Germany's Middle Eastern Strategy in 1918 // German Studies Review. 2001. Vol. 24, no. 1. P. 1–18.

¹⁶ *Терехов П. С.* Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской империи и Турецкой Республики в XX веке: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2011. С. 66–81; *Landau J. M.* Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. P. 93.

¹⁷ *Гысымлы М. Д.* Политика государств Антанты после Первой мировой войны и российско-турецкое сближение // Вестник Московского университета. 2020. № 3. С. 73–82; *Gökay B.* Soviet Eastern Policy and Turkey, 1920–1991. London; NY, 2006. P. 14–35.

¹⁸ *Аршаруни А. М., Габидуллина Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

- ¹⁹ *Jäschke G.* Der Freiheitskampf des türkischen Volkes. Ein Beitrag zur politischen Geschichte der Nachkriegszeit // Die Welt des Islams. 1932. Bd. 14. S. 6–21; *Essad Bey.* Der Kaukasus: seine Berge, Völker und Geschichte. Berlin, 1931.
- ²⁰ *Wolf L.* Deutsche Ärzte im Kaukasus. Berlin, 1928.
- ²¹ *Zetkin K.* Im befreiten Kaukasus. Berlin, 1926.
- ²² *Seeger K.* Imam Schamil, Prophet und Feldherr. Leipzig, 1937.
- ²³ *Jäschke G.* Transkaukasien: Ein Musterbeispiel Sowjetrussischer Eroberungspolitik // Osteuropa. 1935. Bd. 11, H. 1. S. 22–31.
- ²⁴ *Benzing J.* Bolschewismus, Turkvölker Und Islam. Ein Beitrag Zur Nationalitätenpolitik des Bolschewismus // Osteuropa. 1937. Bd. 13, H. 3. S. 187–194.
- ²⁵ *Jäschke G.* Die Republik Aserbeidschan. Eine geschichtliche und politische Skizze by Hilal Munsch; Le Problème du Caucase by Mir-Yacoub // Die Welt des Islams. 1934. Bd. 15, H. 3/4 Jan. S. 121–122.
- ²⁶ *Resul-zade M. E.* Das Problem Aserbeidschan. Berlin; Charlottenburg, 1938.
- ²⁷ *Гайнетдинов П. Б.* Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века — 30-е годы: Исторический очерк. Набережные Челны, 1997.
- ²⁸ *Hüsrev G.* Hitler Almanyası'nda Berlin sefirliği hatıralarım (1939–1942). Istanbul, 2020; *Moldadosova A. K., Zharkinbaeva R. S.* The Problem of Turkey's Neutrality during the Second World War in the Context of International Conferences // The Journal of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28, iss. 2. P. 401–413; *Guttstadt C.* Turkey, the Jews, and the Holocaust. Cambridge, 2013. P. 29–37; *Roth K. H.* Berlin-Ankara-Baghdad: Franz von Papen and German Near East Policy during the Second World War // Germany and the Middle East: 1871–1945 / ed. Wolfgang G. Schwanitz. Princeton, 2004. P. 199–203; *Безугольный А. Ю.* Ни мира, ни войны: Положение на советско-турецкой границе и меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2003. № 5. С. 53–76; *Güçlü Y.* The Uneasy Relationship: Turkey's Foreign Policy vis-à-vis the Soviet Union at the Outbreak of the Second World War // Mediterranean Quarterly Summer. 2002. Vol. 13, iss. 3. P. 58–93.
- ²⁹ *Erem M.* 93 Harbinde Kafkasya Nasıl Müdafâ Edildi // Piyade Mecmuası. 1941. S. 18–52.
- ³⁰ *Taymas A.* Kafkasya Türkleri // Tanrıdağ. 1942. Nr. 2. S. 2
- ³¹ *Akınal D.* Kafkasya'da Türkçülük Hareketlerine Bir Bakış // Çınaraltı. 1942. № 28. S. 12–14.
- ³² *Hubatsch W.* Hitlers Weisungen für die Kriegsführung. Frankfurt am Main, 1962. S. 129–134.
- ³³ *Trevor-Roper H. G.* Hitler's Secret Conversations, 1914–1941. NY, 1953. P. 68, 593; *Pikker H.* Hitlers Tischgespräche im Führer-Hauptquartier, 1941–1942. Stuttgart, 1963. S. 272, 274.
- ³⁴ *Плохотник Т. Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001.
- ³⁵ *Harvey D. A.* The Lost Caucasian Civilization: Jean-Sylvain Bailly and the Roots of the Aryan Myth // Modern Intellectual History. 2014. Vol. 11, iss. 2. P. 279–306.
- ³⁶ См., например: *Kuromiya H., Mamoulia G.* Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion. The Caucasian-Japanese Nexus // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61, no. 8. P. 1415–1440.
- ³⁷ См. об этом: *Roth K. H.* Berlin-Ankara-Baghdad... P. 199–203; *Krecker L.* Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1964.
- ³⁸ *Chauvet D.* Franz von Papen: Les années au pouvoir (1932–1934): Chancelier et vicechancelier de Hitler, Un portrait politique. Paris, 2020.
- ³⁹ *Papen F.* Memoirs / transl. by Brian Connell. London, 1952. P. 445.
- ⁴⁰ No. 10. Papen to German Foreign Office. Re: The Pan-Turan Movement. Secret. 5 August 1941. German Embassy No A 3018/41 to Foreign Office, Berlin. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Archives Division // German Foreign Office Documents. German Policy in Turkey (1941–1943). Moscow, 1948. P. 34–35.
- ⁴¹ Ibid. P. 37–38.
- ⁴² *Hiltcher J.* Die deutsch-türkischen Beziehungen 1940–42 in der Perzeption Hitlers, Ribbentrops und Papens: eine Studie unter besonderer Berücksichtigung ihrer nachrichtendienstlichen Dimension. Ludwigsfelde, 2012. S. 283–297.
- ⁴³ No. 11. Weizsäcker to Ribbentrop. Berlin, 5 August 1941. No. 494 // German Foreign Office Documents. German Policy in Turkey (1941–1943). P. 39.

- ⁴⁴ *Hiltscher J.* Die deutsch-türkischen Beziehungen 1940–42 in der Perzeption Hitlers, Ribbentrops und Papens... S. 338–346.
- ⁴⁵ No. 16. Papen to German Foreign Office. Re: Turkey's Attitude at the Beginning of the New Year. Papen to German Foreign Office. Secret. Ankara, 5 January 1942. German Embassy, No. A 6/42. Political report // German Foreign Office Documents. German Policy in Turkey (1941–1943). P. 50–51, 56.
- ⁴⁶ *Picker H.* Hitlers Tischgespräche im Führer-Hauptquartier, 1941–1942. S. 191.
- ⁴⁷ *Hiltscher J.* Die deutsch-türkischen Beziehungen 1940–42 in der Perzeption Hitlers, Ribbentrops und Papens. S. 368–375.
- ⁴⁸ *Papen F.* Memoirs. P. 487–488.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 488.
- ⁵⁰ No. 27. Papen to German Foreign Office. Re: The New Turkish Premier on the Turkish Minorities and the Future of Russia. Secret. Ankara, 27 August 1942. German Embassy, No. A 542/42. Political report // German Foreign Office Documents. German Policy in Turkey (1941–1943). P. 87–88.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 91.
- ⁵² *Ibid.* P. 92–93.
- ⁵³ Эта проблема частично поднималась авторами в статье: *Ковалев Б. Н., Феферман К. М.* Исламский и тюркский факторы в нацистской пропаганде на оккупированной территории России (1941–1944 годы) // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 2. С. 352–357.
- ⁵⁴ *Ihrig S.* Atatürk in the Nazi Imagination. Cambridge, 2014.
- ⁵⁵ Какая судьба постигнет советский черноморский флот? // *За родину (Псков).* 1942. 11 сент.
- ⁵⁶ Германо-турецкий товарообмен // *Там же.* 15 сент.
- ⁵⁷ 19-ая годовщина дня основания турецкой республики // *Там же.* 4 нояб.
- ⁵⁸ Турция — европейское государство порядка // *Там же.* 2 дек.
- ⁵⁹ *Там же.*
- ⁶⁰ Раскрыты агрессивные советские планы // *За родину (Псков).* 1943. 11 апр.
- ⁶¹ Мост между Европой и Азией. Турция против плутократов // *Там же.* 29 апр.
- ⁶² *Там же.*
- ⁶³ *Там же.*
- ⁶⁴ *Там же.*
- ⁶⁵ Германо-турецкая дружба // *За родину (Псков).* 1943. 29 июня.
- ⁶⁶ *Там же.*
- ⁶⁷ Разрыв отношений между Турцией и Германией // *За родину (Рига).* 1944. 4 авг.
- ⁶⁸ *Mühlmann C.* Deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940.
- ⁶⁹ *Guse F.* Die Kaukasusfront im Weltkrieg bis zum Frieden von Brest. Leipzig, 1940.
- ⁷⁰ *Volck H.* Öl und Mohammed: «Der Offizier Hindenburgs» im Kaukasus. Breslau, 1938.
- ⁷¹ *Brockelmann C.* Aserbeidschans Freiheitskampf // *Die Befreiung.* 1939. Bd. 1–2. S. 26–27.
- ⁷² *Irmgard E.* Kaukasien. Berlin, 1942; *Der Kaukasus und seiner Vorländer: Siedlungsdichtekarte mit Wirtschafts- und Deutschtumsangaben (Ergänzungskarte zur Völkerkarte des Kaukasus).* Stuttgart; Berlin, 1941; *Völkerkarte des Kaukasus und seiner Vorländer. Siedlungsdichtekarte mit Wirtschafts- u. Deutschtumsangaben.* Berlin, 1941.
- ⁷³ *Jäschke G.* Der Turanismus der Jungtürken: zurosmatischen Aussenpolitik im Weltkriege. Leipzig, 1941. См. также: *Jäschke G.* Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkriege // *Die Welt des Islams.* 1941. Bd. 23, H. 1/2. S. 1–54.
- ⁷⁴ *Manzooruddin A. H.* Kampf um leere Räume. Turan — Turkestan — Tibet. Leipzig, 1940.
- ⁷⁵ *Feferman K.* Looking East or Looking South? Nazi ethnic policies in the Crimea and the Caucasus // *Eradicating Differences: The Treatment of Minorities in Nazi-Dominated Europe* / ed. Anton Weiss-Wendt. Newcastle, 2010. P. 110–114.

Статья поступила в редакцию 31 января 2022 г.
Рекомендована к печати 8 мая 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Феферман К. М., Ковалев Б. Н. Турция и пантюркизм как факторы нацистской стратегии борьбы против Советского Союза. Между политикой и пропагандой // *Новейшая история России*. 2022. Т. 12, № 3. С. 546–562. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.301>

Аннотация: В статье рассматривается эволюция подходов нацистской Германии по отношению к Турции и пантюркизму как факторам стратегии борьбы против Советского Союза. Особое внимание уделяется политико-дипломатическим соображениям и пропагандистским установкам, взятым в этой связи на вооружение в Германии после вторжения в Советский Союз. В географическом плане особое внимание уделяется Северному Кавказу. Турцию сближали с Кавказом вообще и с Северным Кавказом в частности многовековые культурные и религиозные традиции. Турецкое влияние было исторически связано с пантюркизмом, течением, подчеркивающим духовную близость всех людей тюркского происхождения, невзирая на существующие границы. В этот период времени Германия проводила дипломатическую игру на «турецком фронте», а также прикладывала значительные пропагандистские усилия, направленные на привлечение на свою сторону и Турции, и советских тюркских народов, в том числе с Северного Кавказа. Берлину казалось очень важным использование одной из «ахиллесовых пят» многонационального государства, подвергшегося нападению. Особенно уязвимой казалась этническая и религиозная близость населения в пограничных районах государства, подвергшегося нападению, населению третьей страны, официально не участвовавшей в боевых действиях. В этой связи немецкая политика по отношению к Турции достаточно уникальна, так как речь идет о нейтральной стране, по отношению к которой Германия проводила нехарактерную для себя тонкую дипломатическую и пропагандистскую игру. Цель ее заключалась в привязке Турции к Третьему рейху с предоставлением ей роли своего рода «субподрядчика» для контроля над регионами, населенными народами, исторически тяготевшими к Турции. Растущее заигрывание Германии с Турцией, а также ее попытки завоевать симпатии советских тюркских народов, в том числе и на Кавказе, свидетельствовали об отчаянном поиске союзников. Это, в свою очередь, вытекало из осознания немецкой стороной того, что вермахт прочно завяз в боях в ходе операции «Барбаросса».

Ключевые слова: Вторая мировая война, Турция, Германия, нацизм, Кавказ, пропаганда, пантюркизм.

Сведения об авторах: **Феферман К. М.** — PhD, ст. преп., Ариэльский университет (Ариэль, Израиль); kirgu14@hotmail.com | **Ковалев Б. Н.** — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); bnkov@mail.ru

Ариэльский университет, Израиль, 40700, Ариэль, Кирьят Хамада, 1

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

FOR CITATION

Feferman K. M., Kovalev B. N. 'Turkey and Pan-Turkism as Factors in Nazi Germany's Strategy in the Struggle Against the Soviet Union. Between Politics and Propaganda', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 3, 2022, pp. 546–562. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.301> (In Russian)

Abstract: The article examines the evolution of Nazi Germany's approaches towards Turkey and pan-Turkism in the German struggle against the Soviet Union. Particular attention is paid to political and diplomatic considerations, as well as propaganda guidelines adopted in Germany after the invasion of the Soviet Union. Geographically, a special emphasis is laid on the North Caucasus. Turkey was linked with the Caucasus in general and with the North Caucasus in particular through centuries-old cultural and religious ties that flowed naturally from geographical proximity, often supplemented by ethnic and religious affinities between Turkey and the Caucasus, including the North Caucasian peoples. Turkish influence was historically associated with pan-Turkism, a trend that emphasized the spiritual closeness of all people of Turkic origin, regardless of existing borders. In this respect, the German policy towards Turkey was unique, as this was a neutral country with whom Germany played a rather

uncharacteristic subtle diplomatic and propaganda game. Its purpose was to tie Turkey to the Third Reich, giving it a role as “subcontractor” to control regions inhabited by peoples who historically gravitated towards Turkey. If this turned out to be impossible in the present or near future, even then the region should have been governed by Germany, with an eye to the interests of an important “shadow” player (Turkey). Germany’s flirtation with Turkey and attempts to win over Soviet Turkic peoples, including those in the Caucasus, were indicative of the desperate search for allies. This, in turn, resulted from the German realization that the Wehrmacht was firmly bogged down in the course of Operation Barbarossa.

Keywords: World War II, Turkey, Germany, nazism, Caucasus, propaganda, pan-Turkism.

Authors: *Feferman K. M.* — PhD, Senior Lecturer, Ariel University (Ariel, Israel); kiriru14@hotmail.com | *Kovalev B. N.* — Dr. Sci. in History, Leading Researcher, St Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia); bnkov@mail.ru

Ariel University, Kiryat Hamada, Ariel, 40700, Israel

St Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St Petersburg, 197110, Russia

References:

- Abdulaeva M. I. 'The North Caucasus in Turkish politics at the beginning of the 20th century', *ACTA HISTORICA: Trudy po istoricheskim i obshchestvovedcheskim naukam*, no. 2, 2018. (In Russian)
- Allen W. E. D., Muratoff P. *Caucasian battlefields: a history of the wars on the Turco-Caucasian border, 1828–1921* (Cambridge, 1953).
- Arsharuni A. M., Gabidullina H. *Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia* (Moscow, 1931). (In Russian)
- Berelovich E. 'Transferring the Prussian-German General Staff to the Ottoman Empire: A Comparative View', *Historia, Journal of the Historical Society of Israel*, no. 48, 2022. (In Hebrew)
- Bezugolny A. Yu. 'Neither peace nor war: The situation on the Soviet-Turkish border and the measures of the Soviet leadership to prevent the Turkish threat in the first period of the Great Patriotic War', *Voенно-istoricheskii arkhiv*, no. 5, 2003. (In Russian)
- Brockelmann C. 'Aserbeidschans Freiheitskampf', *Die Befreiung*, vol. 1, no. 2, 1939.
- Chauvet D. *Franz von Papen: Les années au pouvoir (1932–1934): Chancelier et vicechancelier de Hitler, Un portrait politique* (Paris, 2020).
- Dündar A. 'Kafkasya'da Türkçülük Hareketlerine Bir Bakış', *Çınaraltı*, vol. 2, no. 28, 1942.
- Feferman K. 'Looking East or Looking South? Nazi ethnic policies in the Crimea and the Caucasus', *Eradicating Differences: The Treatment of Minorities in Nazi-Dominated Europe*, ed. Anton Weiss-Wendt (Newcastle, 2010).
- Erem M. '93 Harbinde Kafkasya Nasıl Müdafâ Edildi', *Piyade Mecmuası*, no. 115, 1941.
- Gafarov V. V. 'The policy of the Ottoman Empire in organizing the uprising of Muslims against Russia during the First World War', *Voprosy istorii*, no. 3, 2018. (In Russian)
- Gainetdinov R. B. *Turkic-Tatar political emigration: the beginning of the 20th century — the 1930s: a historical essay* (Naberezhnye Chelny, 1997). (In Russian)
- Guse F. *Die Kaukasusfront im Weltkrieg bis zum Frieden von Brest* (Leipzig, 1940).
- Güçlü Y. 'The Uneasy Relationship: Turkey's Foreign Policy vis-à-vis the Soviet Union at the Outbreak of the Second World War', *Mediterranean Quarterly Summer*, vol. 3, no. 13, 2002. https://doi.org/10.1501/Intrel_0000000005
- Gökay B. *Soviet Eastern Policy and Turkey, 1920–1991* (London — New York, 2006).
- Hubatsch W. *Hitlers Weisungen für die Kriegsführung* (Frankfurt am Main, 1962).
- Hugo G. *Der russisch-türkische Kriegsschauplatz (Kaukasien und Armenien)* (Leipzig, 1915).
- Ihrig S. *Atatürk in the Nazi Imagination* (Cambridge, 2014).
- Jäschke G. *Der Turanismus der Jungtürken: zurosmatischen Aussenpolitik im Weltkriege*. (Leipzig, 1941).
- Landau J. M. *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation.*, 2nd ed. (Bloomington, 1995).
- Lüdke T. *Jihad made in Germany. Ottoman and German Propaganda and Intelligence Operations in the First World War* (Münster, 2005).
- Mühlmann C. *Deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege* (Leipzig, 1940).

- Mustakimov I. A. 'The service of Russian prisoners of war from Muslims devoted to us... seems to be devoid of probability.' Documents of the Ottoman archives on the possibility of using prisoners of war in the interests of Porta. May 1917', *Otechestvenniye arkhivy*, no. 2, 2010. (In Russian)
- Nagornaja O. 'Des Kaisers Fünfte Kolonne? Kriegsgefangene aus dem Zarenreich im Kalkül deutscher Kolonisationskonzepte (1914 bis 1922)', *Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte*, vol. 2, no. 58, 2010. <https://doi.org/10.1524/vfzg.2010.0010>
- Papen F. *Memoirs*, transl. by Brian Connell (London, 1952).
- Perović J. 'Imperiale Projektionen und kaukasische Wirklichkeiten: Banditenwesen und das Phänomen Zelimchan im spätzaristischen Russland', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge*, vol. 1, no. 62, 2014.
- Plokhotnik T. N. *Russian Germans in the North Caucasus* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Reynolds M. A. 'The East's Eastern Front: The Ottoman–Russian Clash in the Great War and Its Legacies', *War in History*, vol. 2, no. 28, 2021. <https://doi.org/10.1177/0968344519827333>
- Sadykhov V. Ya. 'Political plans of the Ottoman Empire in the Caucasus at the beginning of the 20th century', *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 65, 2009. (In Russian)
- Seeger K., Imam S. *Prophet und Feldherr* (Leipzig, 1937).
- Seidt H.-U. 'From Palestine to the Caucasus: Oskar Niedermayer and Germany's Middle Eastern Strategy in 1918', *German Studies Review*, vol. 1, no. 24, 2001.
- Sibgatullina A. T. *Contacts of Muslim Turks of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the 19th–20th centuries* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Taymas A. 'Kafkasya Türkleri', *Tanrıdağ*, no. 2, 1942.
- Trevor-Roper H. G. *Hitler's Secret Conversations, 1914–1941* (New York, 1953).
- Wolf L. *Deutsche Ärzte im Kaukasus* (Berlin, 1928).
- Zetkin K. *Im befreiten Kaukasus* (Berlin, 1926).

Received: January 31, 2022

Accepted: May 8, 2022